

Н. О. Ласкина

*Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия*

n-laskina@yandex.ru

РОЛЬ ЖУРНАЛА «LA NOUVELLE REVUE FRANÇAISE» В ФОРМИРОВАНИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КАНОНА

Определяется место литературного журнала «La Nouvelle Revue Française» в литературном поле XX в. и исследуется, как редакционная политика могла повлиять на состав нового европейского литературного канона. NRF, созданный Андре Жидом в 1909 г., а также связанное с ним издательство «Галлимар» включили в ряд своих авторов едва ли не все значительные имена модернистской культуры. Не присоединяясь ни к консерваторам, ни к авангардистам, NRF создает собственный литературный круг, аккумулировавший значительную символическую власть. Показано, что ключевым моментом в истории журнала стала смерть Марселя Пруста, чей зарождающийся культ был использован этим кругом как средство закрепления своей версии французского канона.

Ключевые слова: литературный журнал, литературный канон, литература XX века, Марсель Пруст.

Журнал «La Nouvelle Revue Française» («Новое французское обозрение»; далее – NRF) можно без преувеличения считать одним из важнейших литературных институтов Франции XX в. Журнал был основан в 1909 г., с 1911 г. в связке с ним работает издательство, которое сначала называлось «Éditions de la NRF», а затем, с 1919 г. – «Gallimard», по имени его создателя Гастона Галлимара. И журнал, и издательство существуют по сей день, но влияние журнала сильно снизилось, а «Галлимар» остается одной из самых сильных и стабильных издательских групп в Европе и ведущим центром гуманитарной мысли.

Как история издания в целом, так и отдельные ее этапы не раз привлекали внимание исследователей западноевропейской культуры, гуманитарной мысли, социологов литературы. Вместе с тем ключевые работы на эту тему, такие как монографии Й. Даган [Dagan, 2008], М. Корника [Cornick, 1993], главы фундаментального труда Ж. Сапиро «Война писателей» [Sapiro, 1999], отводят

основное место социологическому анализу влияния круга NRF на интеллектуальную жизнь эпохи и делают акцент на наиболее драматических эпизодах истории журнала в 1940-е гг. Соответственно, хотя литературная программа NRF хорошо известна, и исследования эстетики наиболее значимых французских авторов, включая А. Жида, М. Пруста, Л.-Ф. Селина, Ж.-П. Сартра не обходятся без упоминаний их отношений с NRF, вопрос описания журнала как целостного литературного проекта остается открытой темой. В данной работе мы предлагаем одно из направлений ее разработки: нас будет интересовать, каким образом первоначальная редакционная программа, заданная на самой ранней стадии, предопределила некоторые доминанты в формировании как французского литературного канона XX в., так и, более широко, общеевропейского канона в той форме, в которой он существует сейчас.

Журнал достиг пика успеха к середине 1930-х, став главной площадкой для группы

интеллектуалов, которые в эпоху между двумя войнами воспринимались однозначно как главные держатели символического капитала, и далеко не только в поле литературы. (Ж. Сапиро, анализируя многочисленные свидетельства современников, показывает, что в середине века вхождение в круг NRF молодые писатели и критики описывали в терминах «посвящения», единодушно заимствуя метафорику из религиозного дискурса: «это было мое евангелие», «я проник в святая святых», «святилище словесности», «пантеон живых» [Sapiro, 2002].) Это особенно примечательно, если помнить, что все поколения редакции настаивали на приоритете только художественной литературы и литературной критики. В 1930-е гг. в журнале стали печатать больше философской и политической эссеистики, но однозначный примат эстетического всегда сохранялся на уровне как тем, так и жанров.

На стадии создания NRF был личным проектом Андре Жида, который, несмотря на достаточно серьезный писательский успех, видел себя скорее маргинальной фигурой и искал в первую очередь альтернативную площадку для самого себя и других авторов, как признанных, так и начинающих, которые не находили себе места в актуальной литературной системе. Фундаментальной стала идея журнала «вне школ и вне партий». «Школы» (с программами, манифестами, мэтрами и учениками) – основной способ структурирования литературного поля во Франции рубежа веков; под «партиями» понимались стороны в традиционных для французской литературной жизни спорах («querelles»), которые составляли едва ли не главное содержание литературной жизни. В последующие годы будет все более актуален и отказ от партийной ангажированности в политическом смысле. Журнал должен был быть полностью посвящен серьезной литературе, в идеале – публиковать любых талантливых писателей и критиков, естественно, соответствовавших пониманию таланта, принятому редакцией.

«Авторство» Жида проявилось сразу же в форме жеста власти: первый номер он полностью забраковал (как принято считать, из-за атаки на Малларме в одной из статей (см.: [Leroü, Bertrand-Sabiani, 1998. P. 138]) и сменил всю редакцию. Со второй попытки удалось собрать подходящую команду, и очень быстро замысел стал реализовываться:

в NRF печатались Поль Валери, Жан Жироду, Жюль Ромэн; молодые писатели вскоре стали воспринимать публикацию в NRF как крайне престижную. Уже на третий год работы NRF Г. Галлимар организует издательство, изначально ориентированное на современных писателей в основном из числа авторов журнала. С NRF также связана история театра Vieux-Colombier, директор которого Жак Копо был членом редколлегии (во время войны театром руководил Галлимар). Во время войны журнал не выходил, а издательство продолжало работать и набирало обороты. Ключевым событием стало приобретение в 1917 г. прав на роман Пруста «В поисках утраченного времени» (начиная со второй книги романа, которая в 1919 г. получила первую для издательства Гонкуровскую премию, что и предопределило, как полагает Й. Даган [Dagan, 2008. P. 235], весь дальнейший рост статуса NRF). С 1919 по 1925 г. журналом руководил Жак Ривьер, и в это время оформляется основная эстетическая концепция, кристаллизуется структура номера. В 1925 г. главным редактором стал писатель и философ Жан Полан, в 30-е гг. важную роль в его редакции играет также Ж.-П. Сартр. В 1940 г. оккупация стала фатальной для судьбы NRF: группа решила пожертвовать журналом, чтобы спасти издательство. NRF перешел в руки коллаборационистов, но Галлимару удалось сохранить максимально возможную независимость. После войны репутация журнала полностью так и не восстановилась, но он продолжает выходить, уже не раз в месяц, а три раза в год. «Галлимар» же к XXI в. приходит с одним из самых внушительных каталогов в мире: треть романов-лауреатов Гонкуровской премии напечатаны в этом издательстве, в его активе Пруст, Сартр, Бовуар, после войны Селин, Саррот, Турнье, и в современной литературе Литтелл, Ндьей и многие другие заметные авторы. Уже этой информации достаточно, чтобы увидеть, что группа NRF в течение столетия фактически управляет французским канонem и играет главную роль в отборе новых претендентов на место в нем.

Каким образом проект, созданный группой демонстративно маргинальных литераторов, за короткий срок переместился с периферии в центр литературного поля и добился не только элитарного, но и коммерческого успеха? Помимо различных соци-

альных и экономических факторов, значима была исходная редакционная и издательская политика в ее собственно литературном аспекте.

Первым фактором стало закрепившееся с 1919 г. четкое распределение ролей, воспроизводившее структуру литературного поля. Жид (вплоть до его смерти) занимает место вдохновителя и мэтра. Ривьер – собственно главный редактор, отвечающий за отбор текстов и работу с авторами; конкретизирует идею Жида; Галлимар продолжает работу с авторами журнала уже как издатель. Наконец, в 1919 г. к группе присоединяется Альбер Тибод в роли ведущего критика с постоянной рубрикой «Размышления о литературе», статьи которой займут центральное место в его внушительном наследии. (Критическая позиция и стиль Тибод тяготеют к уже сложившейся традиции «научной» критики; при этом его мышление, во многом сформированное идеями Бергсона, обеспечило восприимчивость к модернистской поэтике.)

Второй фактор – парадоксальная литературная программа. В ее основе – идеи, озвученные Жаном Шлюмберже в предисловии ко «второму первому» номеру NRF (Schlumberger, 1909): литература прежде всего, выше политических и религиозных убеждений, единственный критерий – качество текста. Следует помнить, что по сравнению с началом века политические столкновения во французском литературном поле в 1910-е гг. сильно ожесточились, и NRF занимает исключительное место как единственное крупное издание, в редакции которого никогда не было политического единодушия: редакционная политика позволяла избегать прямых внеэстетических конфликтов.

Эстетическая идеология журнала соединяет две тенденции, противопоставленные во многих других сферах литературы XX в. На уровне деклараций журнал занимает на первый взгляд отчетливо консервативную позицию: ориентация на сохранение национальной традиции, лучшее выражение которой видится в эстетике классицизма. Шлюмберже завершает свой программный текст отсылкой к «Защите и прославлению французского языка» дю Беллэ, предлагая понимать «язык» в названии этого классического манифеста («langue») не как собственно язык («langage»), но как «культуру» («culture»), в этом значении тогда еще срав-

нительно новое слово в лексиконе французских интеллектуалов) (Ibid. P. 10). Штатные критики NRF используют уже четко сложившееся во французской критике рубежа веков представление о классической французской эстетике, в которой важны формальная точность, элегантность и сдержанность, и разделяют с неоклассиками антипатию к романтизму. Отметим, что классицистический универсализм становится способом обосновать претензию на тотальность, на то, чтобы представлять всю культуру, а не направления и школы. Однако художественные тексты, которые публикует и рецензирует журнал, совершенно очевидно тяготеют эстетически к модернизму в современном, широком его понимании. Больше всего внимания в обсуждениях истории литературы XIX в. уделяется Бодлеру и Флоберу, которым отводится роль идеальных «новых классиков». Бодлер интерпретируется как подлинный наследник Расина, Флобер и Бальзак противопоставляются в пользу первого в силу его точности и внимания к форме. Такая версия истории литературы категорически противоречит и пафосу авангардных групп, и установкам основного консервативного лагеря, в это время сосредоточенному вокруг Ш. Моррасса и «Аксьон Франсез», для которых те же самые фигуры Бодлера и Флобера, как правило, символизируют начало декаданса как распада классической традиции. Классика, как формулирует Б. Дубин, «входит в структуру конфронтирующих друг с другом групповых программ развития и доминантных символов национальной идентичности» [2001. С. 311]. Пример группы NRF примечателен в этом аспекте тем, что в дальнейшем ее программа победила на уровне выбора фигур нового пантеона, но не на уровне обоснования этого выбора: в доминантных современных интерпретациях поэтика, в которой идеологи журнала видели подлинное продолжение классической, маркирована как «неклассическая».

Еще одна важная сторона программы NRF – внимание к зарубежным литературам, особенно к британской и русской. В редакции журнала почти никто не симпатизировал космополитическому идеалу, но в разгорающемся конфликте между националистами и интернационалистами ставка была сделана на третий вариант – диалог как способ обогащения национальной культуры.

Неслучайно именно после выхода книги Жида о Достоевском (1923) Анри Массис будет обвинять его и NRF в том, что их патриотизм «лицемерен» (Massis, 1924. P. 63–64): для националистов было немыслимо признание любого влияния, французская литература должна была быть самодостаточна в силу своего заведомого превосходства.

NRF печатает переводы в каждом номере, стремясь утвердить свой взгляд не только на локальный, но и на мировой литературный пантеон. Это вполне удается, несмотря на то, что отбор текстов был более хаотичен и субъективен, чем для родной литературы: Достоевский попал в поле внимания благодаря растущему интересу Жида, Ривьер активно пропагандировал прозу Чехова, «Женитьбу» Гоголя публикуют благодаря театральным планам Копо, и т. д. Можно согласиться с мнением исследователей, что переводные тексты в NRF становились не столько объектом интереса к ним самим, сколько «поводом поговорить о том, чего ждать во Франции» [Leroy, Bertrand-Sabiani, 1998. P. 144], но, как показывает дальнейшая история, именно такая стратегия адаптации инокультурного материала и становится максимально эффективной. Во всяком случае, тот факт, что Достоевский в 1920-е гг. вытесняет Толстого с места центра русского канона во французском восприятии, прямо обусловлен позицией NRF.

Наиболее же необычным шагом журнала и издательства, по сравнению с большинством других литературных групп, стал выбор главного литературного имени. Вопреки ожиданию, им оказывается не лидер группы Андре Жид, а Марсель Пруст, личное участие которого в жизни журнала в силу биографических причин было совсем небольшим. Более того, амбиции NRF как институции, диктующей условия литературному процессу, оформляются окончательно в течение нескольких месяцев после смерти М. Пруста. Хотя Пруст уже с 1919 г. был одним из ведущих авторов журнала (где регулярно печатались фрагменты «Поисков»), именно его смерть в ноябре 1922 г. привела к тому, что NRF делает его флагманом и журнала, и издательства и активно развивает культ, с которого начинается канонизация писателя.

Уже в январе 1923 г. выходит специальный номер, посвященный памяти Пруста (La Nouvelle Revue Française, 1923), струк-

тура и содержание которого особенно важны для понимания политики NRF.

Первая, собственно мемориальная часть номера дублирует на страницах журнала то, что произошло на похоронах Пруста. Во-первых, состоялась встреча в одном пространстве литераторов, которые или давно уже прекратили литературные и личные контакты, или вовсе никогда не пересекались (Морис Баррес, Леон Доде, Филипп Супо, Жан Кокто и т. д.). Во-вторых оформилась общая атмосфера похорон «Прекрасной эпохи», которую транслируют собранные тексты. Этому эффекту способствовала и скорость, с которой тексты были собраны: все они имеют не столько мемуарный, сколько элегический характер и нередко выдают растерянность авторов, впервые осознавших, как изменился литературный мир. Это особенно точно воплощено в коротком тексте Барреса, не скрывающего удивления от того, как стремительно его младший коллега превратился в «объект пламенного культа» [Ibid. P. 32]: легко предположить, что только в этот момент Баррес окончательно осознает, что его собственный культовый статус далеко в прошлом.

Вторая и третья части резко контрастируют с первой: они включают критические и научные работы, в том числе фрагменты исследований, писавшихся еще при жизни автора «Поисков» (во второй части французских авторов, в третьей – зарубежных, включая статьи Х. Ортеги-и-Гассета и Э.-Р. Курциуса, оказавшие огромное влияние на дальнейший ход интерпретации прустовской поэтики). Здесь становится понятно, в чем ценность М. Пруста для NRF, помимо неоспоримой к этому моменту почти для всех эстетической значимости его романа. Пруст оказывается одновременно классиком и современником, мертвым писателем и живым. Его роман еще продолжает выходить и быть частью актуального литературного процесса до 1927 г., но биографический автор уже не может вмешаться в судьбу своего текста и находится на той дистанции, которая необходима для получения статуса классика. NRF и «Галлимар» за его счет получили возможность контролировать зоны «классического» и «актуального» и, следовательно, играть сразу на традиционалистском и авангардистском полях.

Огромную роль сыграло и то, как складывалась мифология вокруг фигуры Пруста:

миф о том, как автор приносит себя в жертву своей книге, идеально ложится на концепцию, где все интересы – политическое, идеологическое, личные – должны быть принесены в жертву чистому искусству. Не конфликтность, как личная, так и писательская, самого Пруста, о которой единодушно говорят все авторы мемориального номера (и которая никогда не позволила бы ему при жизни стать лидером «школы»), также идеологизируется, превращая романиста в своего рода символическую персонификацию «надпартийной» программы NRF. Эти идеи закрепляются в статье Тибодет «Пруст и французская традиция» (Thibaudet, 1923), согласно которой в Прусте, в одном ряду с Монтенем и Бергсоном, воплощается живая, подвижная традиция, имплицитно противопоставленная статичной традиции в понимании консерваторов. Не следует сбрасывать со счетов и прямое влияние Пруста как критика на идеологию журнала: в частности, опубликованная в январском номере 1920 г. статья Пруста «По поводу “стиля” Флобера» (Proust, 1920), спровоцировавшая волну ответов, во многом задавала тон дальнейшей канонизации Флобера не только как классика, но и как одного из символических отцов модернистского романа.

В случае NRF, таким образом, можно наблюдать, как литературный журнал с самого начала своего развития работает в качестве не только трибуны определенной литературной группы, но и инструмента канонизации. Успех этого проекта показывает, насколько важное место в модернистской культуре занимает не только отрицание или преодоление классического, но и присвоение его при помощи реализации новых интерпретативных стратегий.

Список литературы

Дубин Б. В. Словесность классическая и массовая: литература как идеология и литература как цивилизация // Дубин Б. В. Сло-

во – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 306–323.

Cornick M. French Intellectuals and History. The Nouvelle Revue Française under Jean Paulhan, 1925–1940. Leiden: FauxTitre, 1993. 224 p.

Dagan Y. La Nouvelle Revue Française entre guerre et paix, 1914–1925. Paris: Tallandier, 2008. 425 p.

Leroy G., Bertrand-Sabiani J. La vie littéraire à la Belle Époque. Paris: Presses universitaires de France, 1998. 392 p.

Sapiro G. La Guerre des écrivains. Paris: Fayard, 1999. 807 p.

Sapiro G. La responsabilité de l'écrivain: de Paul Bourget à Jean-Paul Sartre // Le texte et le contexte. Analyses du champ littéraire français, 19e et 20e siècle. Paris: Maison des Sciences de l'Homme, 2002. P. 219–240.

Список источников

La Nouvelle Revue Française. 1923. № 112.

Massis H. La Confession d'André Gide (A propos du Dostoïevski) // Massis H. Jugements. Paris: Plon, 1924. Т. 2. 292 p.

Proust M. À propos du «style» de Flaubert // La Nouvelle Revue Française. 1920. № 76. P. 77–95.

Schlumberger J. Considérations // La Nouvelle Revue Française. 1909. Т. 1. P. 5–11.

Thibaudet A. Marcel Proust et la tradition française // La Nouvelle Revue Française. 1923. № 112. P. 130–139.

Материал поступил в редколлегию 24.02.2015

N. O. Laskina

*Novosibirsk State Pedagogical University
28 Viluiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation*

n-laskina@yandex.ru

**THE ROLE OF THE MAGAZINE «LA NOUVELLE REVUE FRANÇAISE»
IN THE FORMATION OF THE EUROPEAN LITERARY CANON**

The paper establishes the place of the literary magazine «La Nouvelle Revue Française» in the XX century literary field and examines how the editorial policies could influence the new European literary canon. NRF, created by André Gide in 1909, as well as the associated publishing house «Gallimard», counted amongst their authors almost all the important names of the modernist culture. Siding neither with the conservatives nor with the avant-gardists, NRF managed to create its own literary circle which accumulated a considerable symbolic power. This paper argues that a key moment in the magazine's history was the death of Marcel Proust, whose emerging cult was used by the NRF circle as a means to establish their version of the French canon.

Keywords: literary magazine, literary canon, XXth century literature, Marcel Proust.